

Всероссийская олимпиада школьников по литературе

2016–2017 учебный год

Региональный этап

Первый тур

11 класс

Выполните целостный анализ прозаического или стихотворного (НА ВАШ ВЫБОР) произведения.

Юрий Трифонов Голубиная гибель	Николай Заболоцкий Последняя любовь
---	--

Юрий Трифонов

Голубиная гибель

Однажды утром, уже одевшись, в шапке, Сергей Иванович подошёл к окну, чтобы посмотреть, какова погода и надевать ли галоши, и увидел голубя. Голубь был похож на борца: могучая спина и крохотная головка. Он сидел на узеньком железном отливе и, склонив головку набок, косым, шпионским взглядом засматривал в комнату. День был сырой, всю ночь шёл мокрый снег, окна запотели, и голубь не много смог увидеть через стекло.

Он увидел грязную вату между рамами, пролежавшую там ползими и успевшую почернеть от копоти; две поллитровые стеклянные банки на подоконнике, одну с клюквой, другую с кислой капустой, и на одной банке он увидел блюдце, на котором лежал кусочек масла в вощёной бумаге; и верёвочную авоську, прицепленную к замку форточки и висевшую между стеклами, в которой хранилось несколько сморщенных сосисок. И ещё он увидел старое, заметно опухшее со сна лицо Сергея Ивановича, его седые брови, немигающий взгляд и жёлтые от табака пальцы с широкими, плоскими и тупыми ногтями, почёсывающие подбородок. Это увидел голубь. А Сергей Иванович увидел то, что привык видеть по утрам в течение многих лет: семиэтажную пропасть, кирпичную, с дождевыми потёками изнанку дома, и крыши напротив, утыканые трубами и антеннами, и внизу, на дне пропасти, – туманный, заваленный серым снегом двор, беззвучную суетню людей, бегущих по утренним своим делам кто куда. И голубя на карнизе. Дымчато-синего, с розоватым отливом, цвета остывшей после горна стали. Странный нежданный гость! Никто поблизости не держал голубей, и вдруг – пожалуйста.

Сергей Иванович, размышляя, продолжал чесать ногтями подбородок. Потом стукнул по стеклу мундштуком трубки. Голубь подёргал туда-сюда головкой, но не двинулся с места.

– Глянь-ка, мать, кто к нам залетел, – сказал Сергей Иванович. – А погода собачья, хуже вчерашнего.

Он зажёг трубку, сунул ноги в галоши и вышел поспешно, ибо уже запаздывал минуты на три против обычного. А Клавдия Никифоровна, проводив мужа до входной двери, вернулась в комнату, подошла к окну и тоже увидела голубя, прибитого непогодой. Внизу, на дворе, чернела мокредь. По стеклу змейками сочился истаявший снег. «Ах ты господи, склизь-то какая, – огорчилась Клавдия Никифоровна. – И верно, хуже вчерашнего». Она открыла форточку и бросила на карниз горсть хлебных крошек, думая о своём старике: как бы не поскользнулся дорогой.

...Жили одиноко. Сын Федя погиб на войне, дочка с мужем, механиком по автоделу, лет девять назад завербовалась на Север да так и прикрепилась там, писала редко. Сергей Иванович, несмотря на года – седьмой десяток на половине, – трудился на той же фабрике, где полжизни отработал, теперь, правда, не мастером в кроватном цехе, а кладовщиком в инструментальной кладовке. А Клавдия Никифоровна хозяйство вела. Хотя какое в Москве хозяйство? В «Гастроном», да в молочную, да сапожнику обувь снести.

Клавдия Никифоровна и пригрела нечаянного голубя: начала подкармливать мимоходом, а потом и привыкла. Ядрицу для него покупала, булку крошила, обязательно белую: от чёрной голубь клюв воротил. Сергей Иванович шутил: что, мать, забаву нашла? Скоро, спрашивал, на крышу полезешь – свистеть в два пальца и тряпкой махать?

Шутил-шутил, а приходя с работы, стал, между прочим, интересоваться:

– Ну, как наш иждивенец? Прилетал нынче?

Голубь прилетал ежедневно и вскоре совсем освоился на седьмом этаже и даже голубку привёл, белую, как молочный кипень, с чёрными глазками в аккуратных янтарных оболочках. Когда потеплело и можно было открыть окно, Сергей Иванович смастерил – так, скуки ради, чтоб руки занять, деревянный ящик с круглым очком и выставил на карниз:

– Вот вам, уважаемые, квартира от Моссовета. И безо всякой очереди.

В квартире этой скоро запищал птенец, беленький, в мамашу, очень прожорливый и ленивый. Через месяц он стал размером со взрослого голубя, но всё ещё не умел ворковать и летал, как курица.

Особенно полюбились голуби соседской Маришке, девочке лет девяти, которая по болезни неделями не ходила в школу и слонялась, скучая, по большой, безлюдной в дневные часы квартире, не зная, чем заняться. Клавдия Никифоровна жалела эту Маришку – бледненькую, на тонких мушиных ножках, всегда зазывала её к себе, и та сидела у окна, грызла морковку и смотрела на голубей. А родители Маришкины были люди занятые, пропадали на работе до вечера: Борис Евгеньевич работал библиотекарем в самой главной библиотеке, а Агния Николаевна учила в школе, в старших классах. И была ещё у них бабушка, Софья Леопольдовна, старушка лет под восемьдесят, совсем почти глухая, но ещё крепкая, на ногах – на всех готовила и в магазины ходила.

Весна между тем забирала круче.

Расталкивая облака, гуляло над городом влажное синее небо. В овощном магазине, где всю зиму торговали консервами и чёрной картошкой, появился парниковый лук. По утрам мимо окна проносились стремительные, пугавшие Клавдию Никифоровну серые тени, внизу ухало, наверху гремело железо: рабочие сбрасывали снег с крыши.

Несколько тёплых апрельских дней дотла сожгли хоронившийся кое-где снег, залили Москву мутной быстрой водой, но солнце высушило эту сырость очень скоро, и к маю тротуары были сухи. В мае на балконе седьмого этажа появился мальчик в бордовом свитере и в зелёных брюках от лыжного костюма. Мальчик готовил на балконе уроки. Он сидел на стуле, положив одну толстую ногу на другую, и, жмурясь от солнца, что-то зубрил и царапал карандашом в тетрадке. Но чаще он держал карандаш во рту, делая вид, что курит трубку, или же строгал карандаш ножичком, а заодно подравнивал ножичком стул. Время от времени из двери высовывалась рука и протягивала мальчику бутерброд или яблоко. Съев яблоко, мальчик метал огрызок в балкон четвёртого этажа, целясь в алюминиевое ведро, стоявшее там, и, если выстрел бывал удачным, ведро отзывалось гулким колокольным звуком. Иногда он просто кидал огрызок вниз, наобум, и, подождав немного, выглядывал через перила: в кого попал?

А скоро мальчик обнаружил голубей, стал приходить на балкон с рогаткой и стрелять в голубей абрикосовыми косточками и кусочками цемента, которые он отколупывал от балкона. Сергей Иванович как-то заметил это, пристыдил из окна:

– Эй, дяденька большой, ты что ж хулиганишь?

Мальчик засмеялся, покраснел и убежал в комнату.

Однако через день или два мальчик вновь появился на балконе и вновь готовил уроки и стрелял из рогатки. Потом неделю шли дожди и голуби получили передышку. А в середине мая, когда снова наладилась солнечная погода, однажды утром пришла

неожиданная посетительница: высокая молодая дама в шуршащем плаще и с длинным цветастым зонтиком.

– Здравствуйте, я Моргунова из шестого подъезда, – сказала дама, с треском складывая зонтик и входя в коридор. – Я пришла относительно голубей.

– Заходите в комнату, милости просим, – сказала Клавдия Никифоровна.

– Нет, спасибо, я на минутку. Я только насчёт голубей. Голуби ваши, да? Дело в том, что ваши голуби, эти милые существа, играют совершенно роковую роль в нашей семье. Нет, поймите меня правильно! Я против голубей в принципе ничего не имею... – Моргунова говорила таким громким, жизнерадостным голосом, что из своей комнаты вышла соседка Мария Алексеевна, и даже старушка Софья Леопольдовна, – глухая-глухая, а тоже услышала, – приползла из кухни.

Сергей Иванович не сразу сообразил, чего хочет дама с зонтиком. Упорным взглядом исподлобья он рассматривал её полное румяное лицо с маленьким ротиком, красиво обрисованным розовой помадой, её шуршащий переливчатый плащ, сопел трубкой и думал: до чего же народ стал балованный, это на удивленье! И то им не так, и другое, и чёрта лысого не хватает, а как в войну переживали – об этом уж никто не помнит. Вникнув, догадался: дама просит, чтоб голубей убрали. А спроси её – зачем? Почему такое это нужно, чтоб убрать? Кому птицы мешают? Она и не ответит, потому что одна блажь в голове, баловство.

Всё это Сергей Иванович подумал про себя, а в разговоре не проронил ни слова. Клавдия Никифоровна очень вежливо и разумно отвечала даме. Она сказала, что ученику необязательно готовить уроки на балконе и что от голубей никому не может быть беспокойства, если не обращать на них внимания и не шмалять в них из рогатки. Конечно, сказала она, с учениками хлопот довольно, кто говорит. Сама, слава богу, двоих вырастила, и внучка уже в третий ходит, в Мурманске живёт. Конечно, кто говорит: учиться нынче не сахар. Хоть в Москве, хоть где. С ребят требуют очень крепко...

Моргунова сказала, что ей, к сожалению, некогда разговаривать, она должна идти по делам, но напоследок повторила:

– Вы уж, пожалуйста, ваших птиц уберите. Это наша категорическая просьба. А то муж хотел обратиться к общественности.

И, улыбнувшись приветливо, она ушла.

Сергей Иванович и Клавдия Никифоровна были несколько озадачены последними словами Моргуновой, но, поразмыслив, сочли всё происшествие пустяком, не стоящим внимания. А Мария Алексеевна, женщина деловитая (одиннадцать лет кассиршей на одном месте, в «Гастрономе»), сказала, что она хоть эту Моргунову не знает, но слышала,

что у неё в прошлом году работала в домработницах такая Даша, хроменькая, которая сейчас работает у одного профессора в доме, где овощной магазин, и вот она, Мария Алексеевна, однажды познакомилась с этой Дашей в химчистке, и та порассказала ей всякого-разного про этих Моргуновых: сама, говорит, колотит мужа почём зря, и он ей тоже не даёт спуску. Каждую субботу у них гости, выпивка, музыку на полную силу запускают, так, что соседи стучат в стенку и жалуются. Так что, если она что скажет, можно и про неё сказать. Можно эту Дашу в крайнем случае разыскать, она в доме, где овощной, её там каждый знает, она хроменькая, приметная.

Старушка Софья Леопольдовна тоже была возмущена и кипятилась:

– Какая наглость, вы подумайте! Я бы на вашем месте, Клавдия Никифоровна, ей ответила хорошенько! На мой характер, я бы ей задала перцу, нахалке этакой!

Сергей Иванович махнул рукой и ушёл в комнату. В окно увидел, как по двору идёт Василий Потапович, направляясь к деревянному столу, врытому подле забора, а за столом, в окружении мальчишек, уже сидят старик Колесов и молодой парень Мишаня Жабин, игрок хитрый и прижимистый: собираются воскресного козла забивать. Сергей Иванович играл обычно вечером, когда сходились люди солидные, испытанные годами и злопамятные друг против друга противники. Но сейчас, коли Василий Потапович нацелился играть, да и старик Колесов тут, грех не выйти.

– Пойду, постучу до обеда, – сказал Сергей Иванович, выходя в коридор, где Клавдия Никифоровна продолжала пустой разговор с женщинами. – Позовёшь тогда...

Прошло несколько дней, и Клавдия Никифоровна опять заметила, как мальчишка в голубей стреляет. Только начала она ему выговаривать, как на балконе появилась Моргунова в длинном, из блестящего китайского шёлка халате и, не говоря ни слова – раз! раз! раз! – отхлопала парня по рукам. Тот в слёзы, а Моргунова повернулась к Клавдии Никифоровне и пригрозила на весь двор: если, мол, до завтра голубей не уберёте, будете иметь дело с домкомом.

Сергей Иванович, конечно, и не подумал голубей убирать. Да и куда их? В шкаф? Суп из них варить? Тут, правда, про голубей на короткое время забыли: за Борисом Евгеньевичем пришли ночью и увели. С понятыми. Шум был, топот, разговоры, жильцы, конечно, проснулись, вышли в коридор. Агния Николаевна стояла нечёсаная, белая и смотрела дико, как пьяная, а старушка Софья Леопольдовна кричала в голос. И только Маришка была спокойная, зевала спросонья, Борис Евгеньевич держал её на руках до двери. Жильцы с ним прощались. Клавдия Никифоровна сказала:

– Да что ж это, Борис Евгеньевич?

А он посмотрел, улыбнулся:

– Разве не знаете, Клавдия Никифоровна, я же вчера человека убил!

Потом долго, часа два, Сергей Иванович и Клавдия Никифоровна не могли заснуть, грели чайник на плитке, обсуждали шёпотом: мог ли Борис Евгеньевич человека убить? Вообще-то он был шутник, скорей всего пошутил. Скорей всего в библиотеке что-нибудь допустил, может, ценные книги портил или ещё что.

Спустя день-другой после этого случая пришёл член домкома Брыкин. Этого Брыкина, полковника в отставке, все в доме хорошо знали: с утра до вечера топтался он во дворе, следил за порядком, подгонял дворников или же сидел в домоуправлении и командовал как общественник слесарями и водопроводчиками, которые ему вовсе не подчинялись и часто даже не желали его слушать, но он никак не мог жить без того, чтобы кем-нибудь не командовать. Было ему лет семьдесят, но оттого, что он днями гулял на свежем воздухе, цвет лица у него был, как у милиционера, очень красный и здоровый. Ещё этот Брыкин ходил по квартирам и воевал с неплательщиками, а на самых злостных писал заявления в те места, где неплательщики работали.

Зайдя в квартиру, Брыкин в первую очередь спросил:

– Сысойкина дома?

– Нету, – сказала Клавдия Никифоровна.

– Передайте, что если в течение двух дней не оплатит мартовскую жировку, будем разбирать в товарищеском суде. И напишем по месту работы.

– Хорошо, товарищ Брыкин, обязательно передадим. А мы-то уж давно!

– Вы-то – я знаю. Насчёт вас тоже есть разговор. Можно к вам пройти?

Не дожидаясь ответа, Брыкин шагнул в комнату, сразу к окну, посмотрел на голубей и сказал:

– Это надо убрать, граждане. Соседи протестуют, из шестьдесят второй квартиры. Согласно положению не имеете права.

– Согласно какому такому положению? – спросил Сергей Иванович, который недавно пришёл с работы и сидел за столом, пил чай.

И тут же за столом сидела маленькая Маришка и тоже пила чай.

– Имеется положение, – а как вы думали? – если соседи протестуют, то не можете держать никаких домашних животных, и птиц то же самое. Касается одинаково домашних животных или птиц, это безразлично. Могут до штрафа довести, так что советую убрать.

– Ну что ж. – Сергей Иванович вздохнул. – До штрафа мы, конечно, не допустим, товарищ Брыкин. Мы их не заводили, нам что были они, что нет, всё едино. Вот девочка с ними занимается, а нам – что ж, пускай.

– Девочка тем более не ваша. Это не причина.

– Наша, наша, – сказала Клавдия Никифоровна и погладила Маришку по голове.

– Где ж ваша? И масть не та. – Брыкин усмехнулся, передние зубы у него были золотые. Наклонившись к Сергею Ивановичу так, что красные щёки его свесились, как два мешочка, сказал вполголоса: – А приваживать не советую.

Тут в комнату заглянула Агния Николаевна, позвала Маришку ужинать.

– А она уж ужинает, – сказала Клавдия Никифоровна. – Вон как хорошо ужинает.

– Нет, нет, не надо мешать чужим людям, Мариша, скажи спасибо, и пойдём.

Агния Николаевна вошла в комнату, поздоровалась с Брыкиным, на что тот как-то неопределённо, не глядя, кивнул, а может, просто опустил голову и вышло похоже, что кивнул, и взяла Маришку за руку. Но девочка не хотела вставать, неспешно допивала чай с блюдца и заедала баранкой.

– Нам ваша дочка нисколько не мешает, – сказал Сергей Иванович.

– Я понимаю, но у вас люди, а ей пора домой.

– А ничего, пускай чайком погреемся.

– Мариша, я тебя прошу – быстрее!

Все, даже Брыкин, смотрели на девочку, уплетавшую баранку, с улыбкой, только мать стояла мрачно, глядя на дочь совсем не материнском, холодным взглядом.

– Ну? – сказала Агния Николаевна.

– Мам, а дядя говорит, что голубков надо убрать.

– Надо – значит, надо.

– Мам, а мне их жа-алко!

– Мало ли что жалко. Вставай! Скажи спасибо, и пойдём. Нас бабушка ждёт. – И она потянула Маришку за руку из-за стола.

– Да, да, голубков ваших надо убрать непременно, – сказал Брыкин.

Бледное личико Маришки вдруг скривилось, глаза закрылись, и она заревела. Клавдия Никифоровна стала её успокаивать, совала баранку. Сергей Иванович тоже встал из-за стола, Агния Николаевна тащила Маришку силой, а та ревела всё отчаянней. Агния Николаевна не говорила ни слова, лицо её как будто застыло, и только у самых дверей она вдруг стала кусать губы.

Брыкин сказал, когда мать и дочь скрылись:

– Ну и соседи у вас! – И покрутил головой. – А насчёт птиц не затягивайте. К завтраму чтоб.

Сергей Иванович и Клавдия Никифоровна особенно не огорчились: жили без голубей и проживут. Штраф платить никому неохота. Клавдия Никифоровна сгребла всё голубиное семейство – и птенца великовозрастного, который уже летать начал, – и

отнесла вместе с ящиком одному знакомому малому, сыну лифтёрши. Вот малый обрадовался-то!

Вечером о голубях не говорили. Точно их и не было никогда. После ужина пошли к Марии Алексеевне в дурачка перекинуться. Потом, когда вернулись и уже спать постелились, старушка Софья Леопольдовна постучала: Маришка плачет, не засыпает, хочет на голубков посмотреть.

– Нету голубков! Всё! Улетели! – сказал Сергей Иванович сердито.

А на другой день, лишь только вошёл Сергей Иванович в дом, Клавдия Никифоровна ему радостно:

– А у нас гости!

– Кто такие?

– Погляди вот...

Очень смеялись в тот вечер Сергей Иванович и Клавдия Никифоровна.

– Мы-то их жалели, мы-то их кормили, а они нас разорить хотят, под штраф подвести!

Вскоре и малый, лифтёршин сын, прибежал испуганный:

– Тётя Клава, у вас голуби?

– Здесь, здесь. Забирай своё добро и береги лучше...

Отдали ему голубей, а Сергей Иванович взял молоток и подбил железный отлив таким образом, чтобы, если прилетят голуби в другой раз, сесть им было невозможно.

Утром Сергей Иванович прямо из постели, босой, подошёл к окну, глянул мать честная! – голуби тут как тут. Сидеть им нельзя, так они прицепились к железу и повисли. Все трое повисли. И как ухитрились, на чём держались непонятно. Эти висящие голуби выглядели так страшно, жутко и трогательно, что Сергей Иванович и Клавдия Никифоровна растерялись. Марию Алексеевну с племянником пригласили смотреть и Маришку позвали. Маришка оказалась больной, лежала в постели, вместо неё старушка Софья Леопольдовна пришла совсем согнутая, голова трясётся. Племянник Марии Алексеевны, человек учёный, студент института, сказал, что у голубей действует особенная привычка. Им, сказал, отбиться от вашего окна так же, трудно, как, например, Сергею Ивановичу бросить трубку курить. Старушка Софья Леопольдовна тоже удивлялась, ахала, потом сказала Клавдии Никифоровне шёпотом:

– А у нас беда: Агнию с работы сократили. Как жить будем – не знаю. Книги продаём, ковёр продали... – И громко: – Нет, ваши птицы исключительно редкие! На мой характер, я бы их ни за что не отдала!

Сергей Иванович хмурился, глядя на голубей.

– Ничего, ладно, – ворчал. – Долго не провисят, устанут...

И голуби правда улетали куда-то, но потом возвращались и снова, прицепившись к отливу, терпеливо висели. Так провисели они целый день. И тогда, поражённый этой удивительной преданностью, Сергей Иванович решился: будь что будет, пускай птицы остаются. Нельзя таких птиц отдавать. Два дня прошли спокойно, а на третий явился Брыкин.

– Что ж, граждане? Акт будем составлять?

Ему показали, что ящика нет и даже отлив подогнут нарочно, и рассказали про лифтёршина сына и про то, как голуби возвращаются и висят, окаянные, и сделать с ними ничего невозможно. Брыкин разглядывал висящих голубей, качал головой, и его красные щёки тряслись, как два мешочка. Он спрашивал, который тут голубок и которая голубка, пытался взять их в руки и даже положил несколько крошек на карниз.

Поиграв с голубями, вздохнул, сказал тихо:

– А всё равно, граждане, убрать надо неминуемо. И зачем вам, ей-богу, эту пакость держать, прости господи? Если ради девчонки, то могу сказать вполне ответственно, – он понизил голос, – не жильцы они тут. Ясно?

– Какая девчонка! – Сергей Иванович махнул рукой. – Это нас не касается.

– А нам, видишь, поступило заявление, и мы обязаны прислушаться и принять меры. Так что голуби считаются птица подозрительная, ненужная в наше время. И тем более ученик занимается и они ему мешают.

– Ну, понятно, чего говорить. У вас тоже служба...

– А как вы думали? Легко ли мне, старику, какой раз к вам на седьмой лезть да вниз топать? Одни вы, что ли, у меня? – Красное лицо Брыкина стало ещё гуще, малиново-красным, голос возвысился, белые стариковские глаза с неожиданной злобой уставились в Сергея Ивановича. – Зачем столько уговоров? Пригласить вас повесткой на товарищеский суд, акт составить да штраф вклеить – и вся недолга!

Едва упросил Сергей Иванович отсрочку на два дня.

В субботу вечером Сергей Иванович посадил голубей в корзинку, накрыл тряпкой и поехал на Ленинградский вокзал. Он решил отвезти голубей своей сестре, которая жила за Клином, в ста пяти километрах от Москвы. Клавдия Никифоровна очень тревожилась за своего старика, особенно огорчилась тем, что не заставила Сергея Ивановича надеть вязаную телогрею и взять зонтик. Последнюю неделю зачастили грозные дожди, в воскресенье тоже была гроза. Клавдия Никифоровна проклинала голубей, соседей, Брыкина, ей мерещились всякие напасти.

Сергей Иванович вернулся за полночь – продрогший, измученный, но довольный и с букетом сирени. Он рассказал, что голуби устроены прекрасно, лучшего и желать нельзя. Обе племянницы, девочки, счастливы до невозможности. Голубям отвели квартиру на чердаке, со всеми удобствами, с окном в сад – не то что ржавый отлив, где даже сесть некуда. А там-то помещение богатое, простор, воздух, сирень цветёт, воркуй на здоровье хоть сто лет.

– Так что попали наши птахи как в дом родной, – закончил свой рассказ Сергей Иванович, усмехнулся устало. – Теперь уж не воротятся...

Воротились голуби во вторник.

Клавдия Никифоровна плакала, встречая мужа в дверях. Она сказала, что голуби прилетели днём, незадолго перед обедом, и мальчишка уже стрелял в них из рогатки.

Сергей Иванович на цыпочках, боком, подходил к окну, охваченный странным чувством, смесью восторга и испуга. Голуби висели в своей излюбленной позе, опрокинутые навзничь, зацепившись за ржавый отлив. Их крохотные бисерные глаза метали на Сергея Ивановича любовные взгляды.

В третий свой приход Брыкин принёс повестку в товарищеский суд: на субботу, на семнадцать часов, в помещении красного уголка.

Был сухой, жаркий, уже клонившийся к вечеру день начального лета. В пустынном дворе – детвора разъехалась по дачам и лагерям – лёгкий ветер мёл по асфальту невесомый прозрачно-серый тополиный пух. Отдельные пушинки достигали седьмого этажа, залетали в окна, а самые отважные, подхваченные тёплым воздухом, подымались ещё выше, над крышей, над палками антенн, в синее небо. Клавдия Никифоровна смотрела из окна, как её старик плетётся по двору, помахивая корзиной.

Через час он вернулся. Корзина была пуста. Клавдия Никифоровна сразу заметила, что от Сергея Ивановича пахнет вином и у него дрожат руки.

– Отдал? – спросила Клавдия Никифоровна, почему-то испугавшись.

– Не волнуйся, мать. Теперь – всё, порядок... Порядок, мать.

– С какой же ты радости наклюкался? Постой-ка... – Клавдия Никифоровна осторожно сняла прицепившееся к пиджаку Сергея Ивановича маленькое белое пёрышко.

– Это пух, мать. Пух с тополей – поняла? Поняла, старая, чего тебе говорят? Ух ты, мордаха! – Сергей Иванович с глупой пьяной суровостью взял пальцами Клавдию Никифоровну за щёки, сжал их и потряс грубовато, как делал когда-то давно, в молодости. И Клавдия Никифоровна вдруг вспомнила это, что было когда-то, и улыбнулась.

Белое пёрышко, которое она сняла с пиджака, медленно плыло в воздухе, кружилось, снижалось, но ветер из окна подхватил его, и оно взмыло вверх и тихо – никто не заметил – село на плечо Сергея Ивановича.

А потом – что ж?

Было лето, долгое и сухое, была осень с дождями, были холода, испортилось отопление в третьем подъезде, приходил Брыкин, составлял акт, две ночи спали в шубах, Клавдия Никифоровна мучилась с зубами, Агнию Николаевну с девочкой и старушкой Софьей Леопольдовной переселили куда-то на край Москвы, а в их две комнаты вселились новые жильцы, семь человек, все из Тулы, потом зима кончилась, ещё одно лето прошло, объявили амнистию, Сергею Ивановичу назначили пенсию, и он ушёл с работы и теперь садился за домино с раннего утра. Потом вышел приказ насчёт голубей разводить их как можно больше к фестивалю, встречать иностранцев, – и за них теперь не то что штраф, а спасибо говорили. И развелось их видимо-невидимо. Повсюду их кормили, на площадях, во дворах, ходили они стаями, толстые, вперевалку, летать ленились, а только ворковали целодневно да гадили где попало, особенно в углах дворов, по балконам и карнизам, и спасу от их пакости, желтовато-свинцовой, не было никакого. А в плохую погоду Сергей Иванович сидел дома и плёл для удовольствия маленькие корзинки из цветного полиэтиленового провода. Обрезки такого провода – то ли он был телефонный, то ли ещё для каких нужд – приносил Сергею Ивановичу сколько угодно племянник Марии Алексеевны, который уже закончил институт и работал на предприятии.

1968

Примечания

1. Жировка – документ для оплаты коммунальных услуг, квитанция.
2. Моссовет - Московский городской совет — высший орган государственной власти в Москве с 1917 по 1993 гг.

Последняя любовь

Задрожала машина и стала,
Двое вышли в вечерний простор,
И на руль опустился устало
Истомлённый работой шофёр.
Вдалеке через стекла кабины
Трепетали созвездья огней,
Пожилой пассажир у куртины
Задержался с подругой своей.
И водитель сквозь сонные веки
Вдруг заметил два странных лица,
Обращённых друг к другу навеки
И забывших себя до конца.
Два туманные лёгкие света
Исходили из них, и вокруг
Красота уходящего лета
Обнимала их сотнями рук.
Были тут огнеликие канны,
Как стаканы с кровавым вином,
И седых аквилегий султаны,
И ромашки в венце золотом.
В неизбежном предчувствии горя,
В ожиданье осенних минут,
Кратковременной радости море
Окружало любовников тут.
И они, наклоняясь друг к другу,
Бесприютные дети ночей,
Молча шли по цветочному кругу
В электрическом блеске лучей.
А машина во мраке стояла,
И мотор трепетал тяжело,
И шофёр улыбался устало,
Опуская в кабине стекло.

Он-то знал, что кончается лето,
Что подходят ненастные дни,
Что давно уж их песенка спета, –
То, что, к счастью, не знали они.

1957

Примечания

1. Куртина – клумба.
2. Аквилегии – цветы семейства лютиковых самых разнообразных расцветок.